Охранитель. Шаг к цели

Автор:
Константин Назимов

Охранитель. Шаг к цели

Константин Назимов

Охранитель #2

Минул год, как Иван Чурков попал в имперскую Россию 1903 года. Реальность оказалась другой, на троне дочь Николая Второго, а живется явно лучше, чем в свое время в родном мире Ивана. Он уже сумел закрепиться в новой жизни, пройдя путь от подростка из села до охранителя. В полной мере свои знания и навыки, которые смог восстановить, применить не удалось. Бывший военный и телохранитель пошел по несвойственной ему дороге: совершенно неожиданно стал заниматься медициной, которую особо и не знает. Не имея за душой денег, пытается организовать больницу и наладить производство лекарств. Однако на его пути чинят препоны, в том числе и иностранные шпионы. Придется участвовать в драках и перестрелках, защищать честь дам и отстаивать свои взгляды. Цели есть, осталось делать правильные шаги и надеяться на удачу.

Константин Назимов

Охранитель. Шаг к цели

Пролог

Выстрел, пуля чиркнула рядом с ухом, я на секунду остановился, а потом резко прыгнул в сторону, выхватывая револьвер из кармана. Оглядываюсь по

сторонам – никого. Откуда стреляли и кто? Хрен его знает, на улице темно, а за год, что нахожусь в этом мире, произошло много событий и врагов себе нажил. Сам-то я выходец из далекого две тысячи девятнадцатого года, бывший военный, двадцати восьми лет от роду и словивший пулю от киллера, когда устроился на работу телохранителем. Врачи откачать не смогли, и… перенесся я в тело деревенского божьего паренька, которому от роду исполнилось семнадцать годков, забитого до смерти сельскими парнями и девками. Подозреваю, что попал к далекой родне, но в тысяча девятьсот третий год и… с другой историей. В России на троне восседает императрица, дочь Николая Второго, который возложил на хрупкие плечи ребенка бремя управления империей. Так сложилось, что сумел я излечить графиню Марию и с нею подался в столицу империи, где сумел сдать в состязаниях на звание охранителя, собираясь продолжить карьеру телохранителя, что близко и знакомо.

Но не помню, чтобы настолько перешел кому-то дорогу, что решили так кардинально подойти к этому вопросу. В данный момент я возвращался от своего делового партнера, профессора Семена Ивановича Портейга, из его, точнее, нашей новой лаборатории. Слишком у него засиделся и решил срезать дорогу, пробираясь напрямки к своей квартире. За прошедшее время так и не сменил места жительства, все деньги вложил в развитие и исследования антибиотика, как и все свободное время. Вжик! Еще одна пуля пролетела где-то над головой, сразу вслед за револьверным выстрелом.

– Хрень какая-то! – ругнулся сквозь зубы.

Стреляют не по мне, тут еще не изобрели приборов ночного видения. А тогда кто и для чего? Драка? Криков не слышно, да и находится это место почти в центре. Этот сквер или парк часто патрулируют жандармы, в том числе и ночью. Молодежь развлекается? Нет, в столице Российской империи так не принято. Современная молодежь, отпрыски богатых и влиятельных лиц, предпочтет пьянствовать в трактирах и ресторанах или развлекаться по театрам. Те же, у кого нет подобного достатка, про трактиры не забудут, но пулять в белый свет как в копеечку не станут. Остается последний вариант – бандиты. Что предпринять? Выяснить или дождаться полиции и городовых? Уверен, не пройдет и десяти минут, как в сквере раздадутся трели свистков, замелькает свет от фонариков и служивые порядок наведут. Уж что-что, а за безобразием и всякими противоправными действиями стараются следить. Кстати, обычный гоп-стоп в это время суток в данном месте никто устраивать не станет: жертвы можно и не дождаться. А вот «пощипать» пьяных возле ресторанов или

трактиров – легко. Есть еще один вариант, и он один из самых плохих. Это революционные ячейки, а по-простому говоря – боевики, получающие на свою деятельность деньги от заинтересованных источников. Хм, а стрельба-то стихла, полицию можно и не дождаться. Ладно, полежу, береженого Бог бережет.

Непроизвольно зевнул и потер глаза левой рукой, в правой продолжая сжимать револьвер. Хорошо хоть май выдался теплым, снега не осталось и на земле лежать комфортно. Эх, как бы только не уснуть. Да, события после того, как восстановился после ранения, когда защитил императрицу от покушения, понеслись вскачь, другого определения и не дать. Оглядываясь назад, могу констатировать, что сделано очень много, но результат мизерный. А ведь на месте не сидел, пришлось бегать и договариваться, платить и угрожать.
И самое-то интересное, что подобного развития событий мне в страшном сне не могло присниться. Где я, а где медицина! Однако памятный разговор с Олесем расставил определенные точки, хотя на некоторые вопросы ответа я и не получил.

– Иван, у меня к тебе серьезный и долгий разговор, – нахмурился мой собеседник, на лице которого мелькнула решимость.

В этот момент я подумал, что он признается, что вовсе не Олесь, а…

– Внимательно слушаю, – ответил, пытаясь найти отличия с императрицей Ольгой Николаевной.

В определенный момент решил, что передо мной переодетая государыня, правда, как такое возможно, в голове не укладывается. Да, видел императрицу мельком, даже когда она передо мной вуаль откинула, и находился в тот момент в более-менее нормальном состоянии, но украшения, прическа, макияж и платье кого угодно введут в заблуждение.

– Не стану скрывать, что имею непосредственное отношение к императорскому двору, но говорить о конкретике не могу, извини, – взглянул на меня Олесь и, взяв бутылку, плеснул себе в бокал вина.

– Знаешь, а я уже догадался, – усмехнулся я в ответ и решил показать, что его раскрыл.

– Да? – чуть склонил набок голову мой собеседник.

Мочка уха моего собеседника мелькнула, и… Явно же на ней прокол от серьги! Что-то не замечал тут аристократов, носящих сережки в ушах. Олесь же медленно потер злосчастную мочку – и прокола как не бывало. Песчинка, что ли, прилипла или он какой-то крем тональный размазал?

– Говори, что за важный разговор, – не выдержал я игры в молчанку, признав, что проиграл и предъявить нечего.

– В связи с твоими познаниями в медицине принято решение всячески тебе способствовать в данном вопросе. Империя нуждается в современных лекарственных препаратах, поэтому ты можешь получить заем на выгодных условиях. От налогов на первые пять лет полностью освобождаешься, как и от проверяющих, но злоупотреблять не советую. С ротмистром Ларионовым договоренность имеется, с проблемами можешь обращаться к нему напрямую – поможет.

Чего-чего, а такого никак не ожидал, особенно после того как Вениамин Николаевич хотел, чтобы я обучал борьбе его людей. Стараясь выиграть время, закурил, а потом уточнил:

– С чего же такая благосклонность?

– Политика, – мгновенно ответил Олесь.

– Угу, а заем мне придется отдать, но при условии, что выполнить требования банка не смогу, все отойдет заинтересованным лицам, – выпустив табачный дым в потолок, медленно произнес я, представив наихудший вариант развития событий. – Империя приобретет все…

– Иван, могу тебе принести письменные заверения императрицы, – перебил меня Олесь. – Не ищи подвоха, его нет.

– Я подумаю над этим предложением, – ответил я обтекаемо, про себя давно решив, что надеяться нужно только на себя.

Н-да, в общем, не договорились мы тогда. Олесь исчез и больше не появляется, на расспросы мне никто о нем ничего не рассказал. Словно и не видели никогда этого человека, если не считать, что указ императрицы об освобождении от налогов деловых партнеров Портейга Семена Ивановича и Чуркова Ивана Макаровича мне отдал ротмистр Ларионов. Займа брать мы с профессором не стали, решили развиваться постепенно, тем более что наладить производство антибиотика в промышленных масштабах пока невозможно, а в ручном режиме его получается совсем немного. Тем не менее в подчинении у меня порядка двадцати человек, три здания: склад, лаборатория и небольшой дом, в котором ведется прием посетителей. Так как объекты находятся на приличном удалении друг от друга, это вызывает неудобства, и сегодня приняли решение подыскать что-то наподобие больницы. Задумка такая: организовать первую частную клинику! Одного боюсь: что моих компетенций управленца не хватит. Правда, за почти десять месяцев общения с профессором он меня целенаправленно медицине учит, а я упираюсь. Какой, блин, из меня врач?! Не мое это! И так чуть не поседел, когда наш первый с профессором пациент (Сережа Потоцкий) после укола антибиотика впал в беспамятство и бредить начал. А произошло это после недельного лечения! Когда уже симптомов от воспаления легких не оставалось! Потом мы с Семеном Ивановичем пришли к выводу, что чуть-чуть ребенка не угробили, перенасытив организм лекарством. Но повезло – профессор смог пацана вытащить из лап смерти. Что на сегодня имеем? Больные тянутся ручейком с различными проблемами, профессор разрывается между приемом посетителей и производством лекарственного препарата, названным в его честь (я настоял). Если в моем мире первый антибиотик получил название пенициллин, то тут его торговое название стало портейницелит. Кстати, мой компаньон не слишком-то и упирался, хотя и не любитель славы.

Самое же печальное то, что я столкнулся с нехваткой специалистов. Никого к врачебному делу не привлечь! Нет, высшие учебные заведения имеются, но жутко не хватает кадров! Если сестру милосердия можно отыскать (или обучить самостоятельно), то хороший врач на вес золота, в прямом смысле этого слова. Имеется у меня на примете пара кандидатов, один хирург, второй врач общей практики, но на мои посылы не ведутся никак! Да и больших денег не могу предложить. А тут еще и напряженная обстановка во внешней политике. Альянс четырех (Англия, Франция, Германия и Япония) постоянно трясет оружием и готов развязать войну, но чего-то все время ждет. Боюсь, готовят определенную почву внутри империи. Ротмистр мне пару дней назад жаловался, что перехватили несколько курьеров с листовками, так там такие небылицы написаны, что сам бы на протест вышел.

– Блин, что-то стало холодно. Не пора ли мне до дому? – вслух пробормотал я и осторожно с земли поднялся.

Крадучись прошел сквер, но никого не встретил. А вот в квартире у меня произведен тщательный обыск. Работали профи: из пяти сигнальных меток поврежденными оказались три. На первый взгляд все на своих местах, но если знать, на что обращать внимание, то сразу в глаза бросается. И кому же это я потребовался? Документации по антибиотику у нас с профессором нет, держим все в головах. С ротмистром из контрразведки у нас отношения более-менее нормальные. Кое-какие приемы шпионской деятельности ему показал, да и про сигналки он знает. Осмотрел замочную скважину и пришел к выводу, что замок вскрыт мастерски, хотя он и не такой сложный. Пора с квартиры съезжать, а денег осталось всего пара тысяч. На завтра намечен большой переезд. Двухэтажное здание подготовлено и ждет заселения. Три сестрички милосердия, кухарка, уборщица, дворник (исполняющий обязанности грузчика, электрика и сантехника) – персонал нашей больнички. В подвале оборудована лаборатория, чтобы там же лекарство изготавливать. Мы с профессором вложились знатно, а ведь нам еще Потоцкие за спасение Сережи щедро денег дали, по две тысячи рублей. Однако если больница не начнет приносить прибыль в течение трех месяцев, то… думать об этом не хочу.

Прямо в одежде лег на кровать и задумался. За прошедшее время появились очертания собственного дела, а также много различных задумок и ответвлений. Те же шприцы так и просятся к усовершенствованию. Н-да, производство необходимо, но, блин, это такой замах, что… Додумать не успел: в дверь осторожно постучали. Хм, а вот и один из визитеров пожаловал, который не так давно тут без моего ведома побывал. Готов поспорить на что угодно, интуиция, мать ее! Да и недавние выстрелы в сквере явно имеют ко мне прямое отношение. Убежден, кто-то рассчитывал припугнуть, чтобы разговор прошел на нужной ноте. Проверил заряд в револьвере, после чего осторожно приоткрыл дверь, стоя боком к ночному визитеру.

Глава 1

Гости и предложения

Передо мной стоял средних лет представительный мужчина с резной тростью в руках.

– Господин Иван Макарович, простите великодушно за беспокойство в столь поздний час. Дело в том, что отыскать вас днем оказалось затруднительно, а у меня есть к вам деловое предложение, – сняв шляпу и чуть кивнув, произнес незнакомец.

Поджарый, с волевым лицом, глаза равнодушные, волосы рыжие, лицо чуть вытянутое и чисто выбритое. Возраст около тридцати. Хм, могу поспорить, что гость хоть и говорит без акцента, но не является подданным Российской империи. На японца и француза внешностью не вышел, а вот на немца или британца – самое то. Ну, скорее британец, эмоции отсутствуют напрочь, правда, если является разведчиком, то может работать и на Японию.

– На память не жалуюсь, но мы не знакомы, – хмыкнул я и демонстративно покачал револьвером.

Визитер чуть улыбнулся, заметив мою демонстрацию оружия.

– Господин Чурков, предложение сугубо деловое, оно в ваших интересах…

– Плевать, – прервал я его и сделал вид, что собираюсь захлопнуть перед ним дверь.

Нет, узнать, кто таков данный «гусь», необходимо, возможно, и силой придется обыскать. Очень мне не по нраву, что кто-то в мою квартиру проникал, а теперь с предложениями пожаловал. Не люблю неясностей, хотя и приходится с некоторыми мириться.

– Иван, подождите! Меня зовут Гарри Джонс, представляю один из крупнейших промышленных концернов Британии в Европе, – выпалил визитер.

– И чем же моя персона так заинтересовала крупнейший концерн? – с ухмылкой поинтересовался я, но Гарри внутрь пропускать не собираясь и револьвера не опуская.

– Мы могли бы переговорить? Предлагаю ближайший ресторан.

– В это время они уже закрываются, – отрицательно покачал я головой. – Завтра, около девяти часов утра, буду завтракать в кафе «Сласти», можете присоединиться, там и поговорим.

– Где это кафе находится?

– Недалеко, у любого ближайшего городового или прохожего дорогу спросите – подскажут, – пожал я плечами и дверь захлопнул, не потрудившись казаться вежливым.

– Хорошо! Я приду! – донесся крик из-за двери. – До встречи!

Ха, а британец-то ошарашен таким приемом. Уходить не спешит, стоит под дверью и ждет, что простофиля и деревенщина сейчас одумается и с распростертыми объятиями его рыжую морду в квартиру впустит и плясать на задних лапках станет. Встречал подобных «хозяев» жизни, правда, они различные национальности имели, но поведением не отличались. Гадать, чего пожелал от меня британец, нет смысла. Побьюсь об заклад, что разнюхали про новое лекарство, помогающее чуть ли не от всех болезней. Стоит озаботиться охраной лаборатории и свого компаньона. Заполучить рецептуру лекарства захотят многие. Понимаю, что, если антибиотик получит распространение, он поможет многим людям. В задумчивости закурил и сел за стол. Необходимо срочно создавать производство лекарств и попытаться удовлетворить спрос и потребность. Блин, но подобные объемы переварить невозможно! Да и профессор еще не придумал, как антибиотик производить не ручным способом. Ладно, после с компаньоном переговорю, сейчас голова не соображает, да еще и британец этот, будь он неладен.

Утро встретило не весенним солнцем, а ветром, хмурым небом и моросящим дождем, словно осень свои права заявила, но настроения мне непогода не испортила. На сегодня много намечено дел и планов. В кафе посетителей оказалось немного. Непогода отпугнула? Хм, а британец меня уже дожидается, весело заулыбался, рукой призывно замахал, указывая на стоящий рядом стул. Кивнув ему, сделал заказ, а потом и присел напротив Гарри. Револьвер у меня в левом кармане, добился того, что могу теперь стрелять левой рукой не хуже, чем правой. В редкое свободное время люблю в тире палить, а памятуя о

мастерстве своего учителя ротмистра Еремеева, добился в стрельбе прогресса. Вполне возможно, что смогу с Петром Евграфовичем посоревноваться, когда тот объявится. Да, не смог он выбить себе отставку, хотя всевозможными путями не хотел идти на повышение, однако чин подполковника ему присвоили и на должность заместителя командира полка поставили. Ну условно заместителем, так как командира-то нет, фактически он является командиром вновь образованного кавалерийского полка, получившего звание гвардейского и отвечающего за парад-выезд императрицы. Уж не знаю, за что он так провинился, но теперь из седла не вылезает и муштрует свой полк в губернии Царства Польского. Для чего его угнали так далеко – непонятно и как-то не совмещается с императорским выездом, но обещали через полгода в столицу вернуть.

– Господин Иван, рад видеть, – протянул мне руку британец.

– Доброго дня, Гарри, – чуть замешкавшись, решил ответить на его рукопожатие, так как пока не могу его отнести к стану врагов.

Подавальщица поставила передо мной чашку кофе и положила пару булочек.

– Иван Макарович, – покрутил головой по сторонам британец, – не очень-то удачное место для беседы. Может, мы потом прогуляемся или…

– Нет времени, излагайте, – жуя булочку и прихлебывая кофе, перебил я его.

– Э-э-э, дело в том, что готов предложить сто тысяч за одно дело, а подробности в такой обстановке не хочу озвучивать.

– Ваше право, – чуть пожал я плечами. – Значит, дело не такое важное, да и сумма не впечатляет.

– Но вы же еще не знаете, о чем речь?

– Так озвучьте, – хмыкнул я. – Да, учтите, спешу сильно и много времени тратить на пустые разговоры не горазд.

– Нашему концерну известно, что у вас появилось очень перспективное лекарство, мы согласны купить его рецептуру, – внимательно следя за моей реакцией, сказал британец.

– И что в этом секретного?

– Договор и условия: после передачи рецептуры вы обязаны забыть о лекарстве и ни под каким видом его не производить, – чуть слышно проговорил Гарри. – Иван, для молодого человека, еще не так давно жившего в селе, это отличное предложение и большие деньги.

– Сто тысяч? Не смешно, – покачал я головой. – И не стоит забывать, что у меня имеется компаньон, а он врач и лекарь до мозга костей.

– Эту проблему вам решать, деньги-то немалые.

– Пшел вон, – не меняя интонации, сказал я, а сам дружелюбно улыбался и кофе потягивал.

– Простите? – опешил Гарри.

– Свалил отсюда, а то без зубов останешься, – процедил я, продолжая улыбаться, но левой рукой обхватил рукоять нагана.

Эх, сейчас бы взять этого британца за шкирку и к ротмистру Ларионову отволочь. Но силы неравны, в кафе двое парней постоянно в нашу сторону поглядывают, они не что иное, как силовое прикрытие Гарри. Да и что могу предъявить? Намеки британца? Получится слово против слова, а с Англией сейчас и так отношения натянутые, достаточно легкого толчка – и война развяжется. Ну в данном-то случае это маловероятно, но рисковать не хочу.

– Господин Иван, вы, наверное, меня не так поняли, – медленно проговорил мой собеседник, и не подумав уходить.

– Все я верно понял.

– С профессором предлагаю поделиться, впрочем, тысяч пятьдесят еще могу накинуть. Поверьте, от предложения моей корпорации не отказываются.

Не стал его слушать, встал и направился к выходу. Двое парней вскочили со своих мест, и один мне путь заступил, но потом сделал шаг в сторону – ему явно британец сделал знак. Эх, жаль, кулак уже предвкушал, как встретится с зубами оппонента, сильно меня этот разговор разозлил. И ведь вновь вспомнился мой мир, когда подобные Гарри щеголи чувствовали себя на моей родине хозяевами жизни. Такие ни перед чем не останавливались, брали деньгами или силой, основанной на тех же бумажных фунтах или долларах.

Планы изменил на ходу: пару часов переезд повременит, – отправился в жандармерию, где второй этаж отдан под контрразведку. Это не основное место обитания ротмистра, просто ближе к нему я оказался. Опасения, что не застану Ларионова, не оправдались: он на месте, и на столе у него ворох бумаг и каких-то листовок.

– Опять революционный груз перехватил и решил почитать, о чем пишут? – поинтересовался я после приветствия.

С ротмистром сложились если не приятельские, то рабочие отношения. До сей поры у него ничего не просил, в том числе и совета, однако считаю, что настало время.

– Да, а что самое неприятное, эти, – поморщился ротмистр и потряс в воздухе листовками, – мы перехватили в Смоленске.

– И что с того? – поинтересовался я, беря листок с призывом к свержению императрицы, которую, как пишут, подменили и теперь всем заправляют министры, набивающие свои карманы и распродающие Россию.

– Смотри! – Ротмистр встал и подошел к висящей на стене карте. – Вот Смоленск, здесь Москва и Петроград! – несколько раз ткнул он пальцем в карту. – Вопрос! Как ты выражаешься, на хрена листовки в Смоленске?! И как они туда попали?!

– Или оттуда, – пожал я плечами.

– Оттуда? – нахмурился ротмистр. – Поясни.

– Насколько знаю, морские и железнодорожные пути твои люди смогли взять под контроль, и данная, с позволения сказать, литература оттуда сейчас не поступает. Так?

– Мелкие партии иногда перехватываются, – прищурился Вениамин, следя за моими рассуждениями.

– Вывод? – «подтолкнул» я его.

– Суки! Кто-то на типографии гонит данный мусор! – помолчав, эмоционально выпалил он, догадавшись, куда клоню.

– Или свою организовали.

Ротмистр на меня удивленно посмотрел, а потом медленно полез в карман, вытащил портсигар, достал папиросину, закурил и уставился на карту, что-то бубня себе под нос.

– Ваня, а как эту типографию отыскать? – спросил он меня.

– Это уже твоя забота, – хмыкнул я. – На самом деле не так и сложно. Ищи не типографию, а что той требуется. Например, того, кто покупает бумагу, на которой потом печатают. Возможно, что требуется специальная краска, а ее в канцелярской лавке не купить в нужных объемах. Ну, ход мыслей ты понял.

– Угу, понял, – скрипнул зубами ротмистр и, загасив папиросу, сел за стол.

Понимаю, что не хочет показать свою досаду, что до таких выводов сам не сумел додуматься. А я что? В свое время пару фильмов видел, как и что делали подпольщики, а ведь в моем мире далеко не все подпольные типографии царская охранка сумела отыскать. Сколько их существовало? Вряд ли кто-то ответит, но размах, если задуматься, впечатляет. Потоки нелегальной литературы текли в Россию бурной рекой, да и на местах печатались. А лист бумаги и сегодня стоит денег, не говоря уже о станках: огромные суммы использовались для пропаганды. Кстати, а ведь опровержений или ответных

газет не существовало, и в данном мире их нет. Бороться с пропагандой методом кнута неправильно.

– Необходимо создать несколько газет, возможно какое-то движение в защиту императрицы и действующего строя. Можно печатать определенные небылицы, давать опровержения, все в точности, – кивнул на листовку, – как тут, но выводы делать другие. Естественно, не забывая искать и обезвреживать людей, расшатывающих империю.

– Именно этим и занимаюсь, – задумчиво ответил Вениамин Николаевич, обдумывая услышанное.

– Не этим, – усмехнулся я. – Необходимо прижимать тех, кто дает на такую деятельность деньги.

– Они грабят, – коротко ответил ротмистр. – На приисках, банки…

– Не смеши, – перебил я его. – Сопоставь цифры, у тебя в подчинении есть аналитики и экономисты, пусть прикинут затраты. Да чего тут далеко ходить! Станки, бумага, люди – денег стоят, и немалых, не говоря уже о мелких расходах…

– Понял, не продолжай, – махнул рукой Ларионов. – Озадачу этим вопросом и предложения на основе твоих слов подготовлю. Ты скажи, что случилось, не поверю, что решил зайти и о жизни поговорить!

– Нужно узнать про одного британца, сделавшего мне предложение, – отвечаю и вижу, как у ротмистра вверх брови поползли, а на губах улыбка мелькнула. – Не о том подумал! – покачал я головой и погрозил ему пальцем. – На меня вышел господин Гарри Джонс, лет тридцати, представитель какого-то концерна. Сам он британский подданный, по его словам, русским языком владеет в совершенстве и без акцента. Предложил за рецептуру лекарства сто тысяч, но потом накинул еще пятьдесят. С Портейгом предоставил мне самому разобраться, главное, чтобы лекарство не стал никогда использовать.

– Гарантии с тебя потребовал? – уточнил ротмистр, сразу напрягшись.

– Он начал беседу с сельским парнем, которому улыбнулась удача – и тот сумел схватить жар-птицу за хвост. Какие гарантии? Как только передал рецептуру и ту проверили, Иван Макарович сразу бы исчез и уже никогда и никому ничего не рассказал. Ты чего спрашиваешь, непонятно разве?

– И ты не приволок за шкирку этого британца, – постучал ротмистр по столешнице пальцем. – Не захотел поднимать шума, и господин Джонс действовал не один. Правильно, Иван?

Кивнул, контрразведчик все правильно понял и логическую цепочку составил.

– Ваня, чего от меня хочешь, кроме информации о британце? Не поверю, что ты с такой малостью дела бросил и ко мне пришел.

– Вениамин Николаевич, ты прямо в корень зришь! Мне требуется, чтобы за профессором и зданием больницы, которую открываем, твои люди присматривали. Боюсь, что британец на этом не остановится, да и других «визитеров» ждать следует, – ответил я ротмистру.

– Ну если просишь… – расплылся тот в улыбке.

Подозрительно он отреагировал, я посмотрел на своего собеседника, а потом вижу, что тот смех сдерживает. Хм, а он меня чуть не переиграл! Зарвался я, стал считать себя умнее и дальновиднее всех и вся!

– Давно к профессору соглядатаев приставил? – поинтересовался я у бывшего жандармского ротмистра.

– С той поры, как Потоцкие на каждом углу Портейгу и тебе стали петь хвалебные оды и восхищаться новым лекарством.

– Да ну на фиг! – вырвалось у меня. – Ничего же не заметил!

– Так за тобой никто и не ходит, – пожал тот плечами. – Кури, – подвинул портсигар, – есть пара вопросов.

От ротмистра я вышел в задумчивости – он немного приоткрыл карты, и оказалось, что наша с профессором деятельность тщательно отслеживается и приветствуется. Правда, в последнее утверждение верится с трудом, скорее всего, хотят посмотреть, что получится из нашей затеи. Ларионов дал понять, что мнения разделились, некоторые чины против такой деятельности, другие же наоборот. В общем, сумятицу внесли. Это, конечно, понятно, все новое встречается с подозрением. Впрочем, неудивительно, а скептиков мы с профессором удивим, надеюсь на это.

– Иван! Ну где ходишь?! Заждался тебя, все уже к переезду готово! – воскликнул мой компаньон, спеша навстречу, когда я вошел во двор его дома.

Окинул взглядом пару груженых телег. Грузчики и возницы стоят в сторонке и о чем-то неспешно ведут беседу.

– Семен Иванович, прости, задержался, – пожал ему руку и крикнул мужикам: – Чего стоим? Поехали!

Переезд всегда считался сродни пожару, но в данном случае ничего подобного не произошло. Да и не переезд это как таковой, хотя профессор и потерял пару своих реактивов и какой-то порошок. Ничего – отыщет. Семен Иванович осваивает лабораторию, я же инспектирую четыре палаты на втором этаже. На первый взгляд все хорошо. В комнатах стоят по две койки, полы чистые, белье новое. Да, пока делаем этакую небольшую больничку, с восьмью койками, хотя и имеется свободное место и можно легко еще пару мест организовать в каждой палате, но неизвестно, как дела пойдут.

– Иван Макарович, а когда начнем прием? – спросила меня сестра милосердия.

Девушки закончили медицинские курсы, все молоденькие, смазливенькие и… без опыта. Сейчас волнуются и нервничают.

– Аля, ну чего ты суетишься? Клинику мы откроем после обеда, а пока еще и вывеску Михаил не приколотил, – ответил я ей.

– Ой, Михаилу не напомнишь, он и не пошевелится, только и может метлой махать! – махнула рукой Фира, а Татьяна ее поддержала.

Да, сестры милосердия нашего «мастера на все руки» не жалуют. И чем он им не угодил? Мужик-то нормальный, лет двадцати пяти, непьющий, правда, молчун, но вроде исполнительный и работу делает. Вот и сейчас снаружи раздались удары молотка, а выглянув в окно, я увидел, как дворник приколачивает табличку над входом. Правда, помогает ему какой-то тип, но тут я сам виноват – вывеска-то приличных размеров, и одному с ней не управиться.

– Так, на сегодня две из вас свободны. Пока нет у нас больных, выходите на работу поочередно, сами решите, в какой последовательности, – дал сестрам указание, а заметив, как те растерянно переглянулись, добавил: – На жалованье это никак не скажется.

– Тогда сегодня я останусь, – сверкнула глазами Фира.

– Иван Макарович, – раздался от двери голос дворника, – там до вас околоточный надзиратель пришел, желает бумаги проверить и познакомиться.

– Проводи его в кабинет приема больных, сейчас приду, – вздохнув, дал указания, а сам, еще выдав инструкции сестрам милосердия, отправился на кухню, чтобы взглянуть, как кухарка устроилась.

На кухне обнаружил кухарку и уборщицу, которые сортировали запасы круп. В целом все нормально, если не считать скромной мебели и оставшейся небольшой суммы денег, на которую не разгуляешься.

С околоточным надзирателем уже знакомился, так что встреча прошла скоротечно и буднично. Представитель власти просмотрел предоставленные бумаги, текст он не особо читал, внимание задерживал на подписях и печатях. А всевозможных разрешений, справок и согласований накопилось вполне приличное количество. Да, пришлось мне побегать и обить пороги кабинетов чиновников. Не всегда удавалось решать с первого раза, но, как правило, во второй мой визит чиновник разительно менялся, про взятку и не намекал, а разрешение выдавал мгновенно. Понимаю, что это все не просто так происходило, но списываю на Ларионова. Ротмистр делал мне определенные намеки и время от времени поднимал вопрос о черной неблагодарности одной личности, не желающей раскрыть секреты и заняться для империи более полезным делом, – это он так мне пеняет, но я делаю вид, что не понимаю его.

Устало откинулся в кресле: профессор занят в лаборатории, до обеда еще пара часов, можно чуть-чуть расслабиться. Одно плохо – кроме Семена Ивановича, так ни одного врача и не смог сагитировать. Да, проблема кадров налицо, упор империя делает на военных врачей и аптекарей в шаговой доступности. Нет, имеются и городские больницы, но они предназначены для малообеспеченного населения, богатые и влиятельные лечатся дома. На кого я рассчитываю, открыв подобную клинику? И получится ли? На последний вопрос ответит время.
А некоторые процедуры невозможно или сложно производить в домашних условиях. На первом этаже у нас есть операционный зал, если его так можно назвать, а хирург отсутствует. Ничего, со временем, когда клиника Портейга, как и его лекарство, заявит о себе, непременно расширимся. Планы грандиозны, но реализация не такая мгновенная. Вот придумай профессор массовое производство антибиотика – и что? Нет у нас средств на открытие такого предприятия! Скорее всего, придется обращаться к властям или, чего не хочется, спонсора искать. Британец мне подсказал один из выходов: продать рецептуру антибиотика и на данные средства организовать собственное производство. Естественно, речи о полной передаче прав на лекарство не может и быть.

– Иван, тебе придется самому вести первый прием, – раздался от двери голос Семена Ивановича, а потом профессор вошел в кабинет и, налив из графина стакан воды, одним махом его выпил.

Подобное состояние компаньона мне знакомо, у него появилась какая-то идея, которую он непременно решил проверить. Глаза горят, волосы взлохмаченны, бородка в беспорядке, на фартуке несколько свежих дыр от какой-то кислоты.

– Профессор, у меня нет образования и документов, принимать больных не имею никакого права, – попытался я образумить его.

– Ваня. – Профессор взял мой портсигар и, закурив, выпустил табачный дым к потолку. – Ты не понимаешь! Наконец-то удалось нащупать пару путей, и если все пройдет нормально, то можно вести речь о производстве лекарства!

– Семен Иванович, я не имею права принимать больных!

– А ты не принимай, а оказывай консультации. И потом, за полгода, что я тебя обучал основам, да с теми знаниями, какие у тебя имеются, легко справишься.

Кстати, очереди-то нет, и не факт, что потянутся больные. Все, как хочешь, вплоть до того, что прием откладывай, но сегодня я занят. – Профессор развернулся и направился на выход.

Мои слова, сказанные ему вдогонку, он оставил без комментариев, поставив меня в идиотское положение. Отменить открытие больницы после того, как прошла в пяти газетах реклама, и если приедут больные, – невозможно. Поразмыслив, нашел выход из положения и решил, что сумею справиться. Для этого придется план пересмотреть и для «гостей» устроить экскурсию, в том числе могу и заполнить карту больного, где опишу жалобы.

– Иван Макарович, до открытия еще час, а у входа уже три экипажа стоят! – весело доложила Фира.

– Черт! – ругнулся я и подошел к окну.

Действительно, экипажи прибыли, но никто не спешил в двери ломиться. Правда, дворник наш метлой махал и с кучерами беседовал. Вот он степенно подошел к одному из экипажей и о чем-то там переговорил, после чего направился в дом.

Вздохнув, я пошел навстречу, понимая, что тот ко мне направляется. Да, так и оказалось, просят принять без очереди больного подростка, от которого врачи отказываются и руками разводят. Через двадцать минут в моем кабинете сидели две девушки. Одеты небогато, обе кусали губы, но у одной явный жар, дыхание учащенно, губы обветрены. Да, девочка-подросток, ей лет пятнадцать, а старшая сестра, заламывая руки, умоляет спасти свою единственную родственницу.

– Вы наша последняя надежда, вчера случайно наткнулась на объявление в газете и сразу же сегодня приехали, – третий раз подряд говорит Сима (старшая из сестер).

Я же ответа не могу дать, выбор стоит сложный, мне вывалили сразу все проблемы этого семейства, и понимаю, что платить им банально нечем. Графский род разорен, отец не вынес позора из-за карточных долгов, два года назад застрелился, бросив дочерей на произвол судьбы. Сима каким-то образом сумела распродать имущество и погасить долги, сейчас сестры обитают в

небольшом домике и отказались от слуг, а экипаж пришлось нанять на последние гроши, чтобы Лизу к нам привезти. А симптомы у девочки непонятны: обмороки, температура. Без осмотра не обойтись, а профессор сейчас занят и Фиру даже слушать не пожелал – прогнал, да и девушка сказала, что в лаборатории что-то шипит, паром все заволокло, да и вонь ужасная. Так, про вытяжки совсем позабыл, сделал себе зарубку на памяти, чтобы это незамедлительно исправить.

– Отправь Михаила к Семену Ивановичу, пусть в сторонке за действиями профессора наблюдает, как бы он там не увлекся, – дал указания Фире, а сам обернулся к сестрам. – Сима, могу осмотреть вашу сестру, возможно, и причину болезни отыщем, но хочу предупредить. Обещать ничего не берусь, да и патента врача у меня нет.

– Так вы же, насколько нам известно, охранитель, – вымученно улыбнулась Сима.

Ну да, в своде правил записано, что охранитель Российской империи обязан, не щадя живота своего, защищать клиентов и делать все возможное для их блага. Кстати, там есть еще не одна размытая формулировка о правах и обязанностях охранителя. Если подходить формально, то получается, я имею право лечить, не имея на то образования. Чисто теоретически, пока положения не исправят… могу на это ссылаться при определенных условиях. А об этом раньше-то я и не думал, Сима подсказала выход из положения – получается, никто меня обвинить не может.

– Хм, – озадаченно потер я висок, – придется составить договор об оказании вам услуг по непосредственно своей квалификации.

– Это как? – поинтересовалась Лиза, настороженно переведя взгляд с меня на сестру.

– Минуту, – поднял указательный палец. – Фира, иди и пиши! – положил бумаги на стол, а сам подошел к окну, наблюдая за усиливающимся дождем.

Минут пять диктовал сестре милосердия текст договора, сам с чернильными ручками так и не подружился, а писать карандашом в данном случае нельзя. После составления договора и подписания, хотя Сима и нервно губу закусила, так как про оплату услуг написано расплывчато, понимая ее настороженность,

пояснил:

– Фраза «гонорар охранителя оплачивается после дополнительных условий и согласований» пока ни к чему не обязывает, но без договора не могу приступить к осмотру.

Дую ли на воду? А хрен его знает, не удивлюсь, если сестриц подослали и ждут промаха с моей стороны. Сомневаюсь в этом, так как знать, что профессор из своей лаборатории не пожелает в день открытия выйти, даже я не мог представить. Но лучше перестраховаться.

Документы подписаны, медицинская карта девочки заполнена, и я приступил к осмотру. Температура под тридцать восемь, слабость, обмороки. Горло не красное, соплей нет, кашля нет…

– Мне нужно прослушать твои легкие – раздевайся, – взял слуховую трубку, а сам в недоумении.

– Это неприлично, – в страхе посмотрела на сестру Лиза.

– Это доктор, – напомнила та ей.

– Можно спину оголить, этого должно хватить, – подсказала Фира.

Прослушивание легких не дало никаких результатов, а лимфоузлы под мышками увеличены, одышка присутствует, но хрипов нет. Да, без Семена Ивановича не обойтись.

– Ждите здесь, – коротко сказал я и отправился за профессором.

В лаборатории кипит работа, профессор что-то перемешивает, успевая делать какие-то записи. Понимаю, что он занят, но девочку жалко. Кстати, у Лизы наблюдается еще потеря веса, что ухудшает и без того тяжелое состояние, да и держится она из последних сил: заметил, с каким облегчением на стул села и даже не постеснялась, что могу ее без одежды увидеть.

– Ваня, мне еще требуется пара часов, – мельком глянул на меня Семен Иванович.

– Девочку необходимо осмотреть, я ничего не понял, – честно признался я ему, а потом перечислил симптомы.

– На расстоянии диагноза не поставить, – помешивая в пробирке какую-то жидкость, ответил доктор.

– Она в кабинете, – прозрачно намекнул я.

– Ты мне сорвешь эксперимент, – поморщился тот.

– Его все равно повторять придется, один результат ничего не докажет, – привел я аргумент. – А первому пациенту в нашей клинике необходимо оказать всяческую помощь.

– Хрен с тобой, полчаса, по прикидкам, есть, пошли, – неожиданно согласился профессор.

На ходу задал мне несколько уточняющих вопросов, а войдя в кабинет, стал сестер расспрашивать по новой. А потом заставил Лизу пройтись по кабинету, на что Сима заявила:

– Она без помощи не сможет, бедро поранила, а оно зажить никак не может.

Через минуту перед нами предстал пропитанный кровью бинт, по мере разматывания которого все встало на свои места. Запаха разложения ни с чем не перепутать, а вздутие и покраснение говорит само за себя.

– Сепсис, – выдохнул профессор и, сняв пенсне, стал тереть стекла.

– Хреново, – согласился я.

– Ваня, это не то слово, – покачал головой Семен Иванович.

Угу, вижу, что диагноз профессора напугал не только сестер, Фира стоит вся бледная, прижав ладошку ко рту.

– Господин Иван Макарович, к вам посетители, – раздался из-за двери голос нашего дворника.

– Передай им, чтобы обождали, заняты сильно, – ответил ему и посмотрел на Лизу. – Не волнуйся ты так, ничего смертельного нет, лучше расскажи, как такую травму получила.

– Ваня, не обнадеживай больных, когда помочь не в силах, – прошипел профессор.

– Я-то, может, и не помогу, – глянул я на компаньона, – а вот вам данная задача вполне по плечу. Фира, готовь операционную, инструменты прокипятить, бинты и мази, горячую воду…

– Поняла! – выбежала сестра милосердия из кабинета.

Лиза же нам рассказала, как пару недель назад напоролась бедром на сук. Сестре говорить ничего не стала, чтобы ту не расстраивать, а потом и значения не придала, что рана не заживает. Да и плохо себя стала чувствовать, сделалось не до какой-то ранки на бедре.

– На минутку, – поманил меня к окну Семен Иванович, а когда я подошел, тот мне объяснил, что сепсис в таком состоянии не лечится, а больная только мучиться будет.

– А мы попытаемся, – криво улыбнулся я.

Глава 2

Первые клиенты

За дверью возник шум, похожий на драку, прервал мои начавшиеся объяснения, и я выглянул в коридор. Трое парней бьют нашего «мастера на все руки». Ну, точнее, двое держат, а третий пару раз Михаилу по корпусу ударил, это я успел заметить.

– И что же тут происходит? – спрашиваю, а сам руку в карман опустил.

Стою к блатным правым боком, готов в любой момент с левой руки начать стрелять. А в том, что пожаловали к нам воры, – никаких сомнений, их за версту видно, нет, не всех, естественно, но у этих молодых парней все руки в татуировках. Если в моем мире еще могут возникнуть сомнения, кто есть кто, то в имперской России наносить себе на кожу тату принято только в узких кругах. Хотя вполне возможно, что и аристократы подобными рисунками увлекаются, но напоказ не выставляют.

– Ты лепила? – резко развернувшись, спросил парень, бивший Михаила.

С блатным жаргоном знаком постольку-поскольку, но слово «лепила» в переводе на общедоступный язык означает «доктор», знаю, поэтому ответил:

– Один из владельцев данной больницы, доктором меня сложно назвать, но кое-что понимаю во врачевании. Однако боюсь, что с таким подходом, – кивнул на парней, продолжающих держать нашего дворника, – ничем не смогу вам помочь.

– Прости, уважаемый. – Парень за спиной махнул своим подельникам рукой, и те Михаила отпустили, да один еще и фартук на нем поправил. – Базар… дело до тебя. Перетереть нужно.

– Можем и поговорить, – согласился я. – Времени сейчас нет, через час. Хорошо?

– Нет, – упрямо мотнул головой блатной. – Время не терпит, пошли со мной.

Упс, в руках воров возникли словно из воздуха ножи. И что, мне в них стрелять теперь? Н-да, ситуация. Вытащил револьвер и озадаченно потер стволом лоб.

– В чем проблема? – спрашиваю, заметив, как Михаил осторожно пару шагов назад сделал и за спинами державших его не так давно парней очутился и

знаками мне показывает, что головы им свернуть может.

– У нас в пролетке пахан, плохо ему, – прищурившись, ответил главный в троице.

– Нормально не мог сказать? – поинтересовался я и дворнику отрицательно рукой махнул.

– Так на этой территории нас обычно все слушаются, – хмыкнул парень, а потом представился: – Жалом меня кличут.

– Пошли, – поморщился я, решив, что ссориться с ворами в первый день работы глупо.

Нет, их не боюсь, хотя и могут они много крови попортить. Для нас больной ли, раненый ли – пациент, а если имеются претензии к этим людям у полиции, то это не моя забота. Хотя определенную тактику выработать придется, над этим необходимо подумать и строго придерживаться правил, а то плясать под дудку воров никакого желания нет.

В пролетке на сиденье лежит бородатый и осунувшийся дед. У него прикрыты глаза, грудь тяжело вздымается, на горбатом носу капли пота. Можно и не трогать лоб, от старого вора жар во все стороны исходит, температура высоченная.

– Давно жар? – спросил я Жало.

– У Анзора? – уточнил тот.

– Если его так зовут, – кивнул я на лежащего вора. – И, кстати, какие еще симптомы?

– Неделю назад случайно себе маслину в плечо всадил, – потер Жало щетину на подбородке. – Э-э-э, маслина – это пуля, забываю, что ты по фене не ботаешь. Тьфу! – сплюнул он себе под ноги. – По-нашему, жаргонному, не говоришь, – расшифровал он для меня предыдущую фразу.

Ну понял его прекрасно, но виду не показал. Хрен его знает, вдруг этих слов кроме воров и полицаев никто не знает. Вряд ли, конечно, но лучше свой словарный запас придержать.

– Значит, пулю словил плечом, – поморщился я, прикинув, что времени прошло прилично. – Ее вытащили?

– Ага, я и Стамеска…

– Ты стамеской ее выковыривал? – уточнил я, положив все же на лоб бредящего вора ладонь.

– Не, с корешем, – ответил Жало.

– На что еще жалобы? – уточнил я, в задумчивости глядя, как старый вор скрючился и, живот руками обхватив, застонал.

Мой вопрос остался без ответа, подручный вора не знает, что у того болит. Вздохнув и поморщившись, представил, как ругаться начнет Семен Иванович, и сказал подручному вора:

– Осторожно взяли и понесли в клинику, дорогу покажу.

Жало кивнул своим людям, и те, аккуратно вытащив Анзора из пролетки, понесли его за мной. Н-да, носилок у нас нет, и это упущение, несколько необходимо купить и в каморке у дворника сложить для подобных случаев. Мля, а как нам из операционной на второй этаж в палаты больных переправлять? Опять недоработка! А сколько их еще, про которые и не думал? Тут всего пара часов, как открылись, и уже косяки вижу.

– Анзора кладите на стол и ждите за дверью, – указал парням вора.

– Я останусь, – заявил Жало.

– Тогда помогай, режь одежду, где рана, снимать не получится, можем разбередить еще больше, – распорядился я, а сам открыл аптечку и вытащил бинты и йод.

Промыть и почистить рану смогу, а вот стоит ли тратить на вора антибиотик, которого у нас не так много, пока решить не получается.

– Лепила… доктор, если поставишь его на ноги, то в долгу не останемся. Уморишь – пеняй на себя, – распарывая одежду, предупредил меня Жало.

– А ты ничего не попутал? – усмехнулся я в ответ. – Тебя принял, в лечении не отказал, а пахан твой уже одну, а то и вторую, ногу занес над пропастью. Если и дальше угрожать станешь, то лечи его самостоятельно!

Встав, сложил руки на груди и посмотрел на Жало, который склонился над вором с ножом в руке.

– Ах ты падла! – прохрипел Анзор и схватил своего подельника одной рукой за горло, а второй за руку с ножом. – Решил меня на тот свет, сука, отправить?!

Жало захрипел, но, дернувшись назад, сумел вырваться из захвата. Анзор матерится, дышит часто и хрипло, но, нужно отдать должное, хватки не утратил даже в таком состоянии. Хм, и как он так смог боль преодолеть? Настолько повышенный порог чувствительности у него вряд ли имеется.

– Наркотики давали? – предположил я.

– Да, он от боли сознание терял, – потирая шею, ответил Жало, а потом к пахану обратился: – Анзор, мы тебя к лепиле привезли, чтобы излечил.

Вор со стоном приподнялся и осмотрелся. Прищурился, а потом со стуком откинул голову на ложе.

– Рана беспокоит? – поинтересовался я, подойдя к Анзору, рассматривая проглядывающую повязку на плече больного.

Плечо перемотано тряпкой, кровь просочилась, и явно ощущается запах разложения. Мля, неужели еще один сепсис?

– Живот сильно болит, – поморщился тот.

– Чем-то травануился? – поинтересовался я.

– Не знаю, несколько дней уже. – Вор положил руку на правый бок и скрипнул зубами.

Неужели у него аппендицит? Да ну на фиг! Тогда уже точно помочь не сможем, ну я-то точно.

Несколько уточняющих вопросов – и подозрения усилились, а вздувшаяся на плече кожа от раны, источающая зловоние, мне и вовсе не понравилась. Необходим профессор, и срочно надо проводить сразу две операции. Морфин у Семена Ивановича имеется, а аппендицит он вырезать в состоянии, разговор об этом был. Правда, операции он почти не проводил, не является хирургом, но от безысходности пару раз подобными вещами занимался. Да, хирург нам необходим, желательно умелый. Да только никто идти в организовавшуюся клинику не желает – опасаются за свою репутацию, а положить большую зарплату, чтобы было чем рискнуть, мы с профессором не можем. Правда, есть вариант, что, узнав об изобретенном лекарстве, когда безнадежно больные начнут выздоравливать, к нам потянутся врачи. Но до того момента еще как-то дожить нужно.

В дверях появилась Фира, а за ней вошли профессор, больная девчушка и ее сестра.

– Иван… э-э-э Макарович, а что, собственно, происходит? – снял пенсне Семен Иванович. – Я собираюсь Лизе рану почистить от гноя, а то девочка горит вся, надеюсь, что сепсис еще не начался.

– У нас еще один больной, и ему срочно требуется операция, – вздохнув, потер я висок. – Фира, необходимо разделить это помещение или натянуть простыню между столами. Прокипятить инструменты, а потом приступить к операциям. Профессор, посмотрите Анзора, – указал я на лежащего вора.

Семен Иванович водрузил на нос пенсне и стал осматривать пациента, что-то у того вполголоса выспрашивая. Фира привлекла себе в помощники Жало и Симу, Михаила я ей трогать запретил (должен же хоть кто-то на входе стоять и больным, если те еще появятся, про нашу занятость рассказать). Не прошло и десяти минут, как натянули ширму, отгородив одного больного от другого.

Инструменты стерилизуются, бинты и тазики разложены, как и различные мази, а Семен Иванович меня позвал, как он выразился, на консилиум.

– Коллега, необходим план операций, ты кого брать собираешься? – задал он мне обескураживающий вопрос.

На мгновение я лишился дара речи, профессор на меня смотрит и ответа ждет. Рассмеялся, но резко умолк, видя, что тот не шутит.

– Семен Иванович, ты офигел? Где я, а где хирургия! Да, мля, кроме как укольчик сделать, таблеточку дать, ну или в лучшем случае перевязать… – ответил было я, но меня мой компаньон перебил:

– Ваня, мы в одной лодке! Случаи тяжелые, сепсис явно у обоих, а у Анзора еще и аппендицит. На двоих меня не хватит, Фире не доверю, да и не справится она. Ты же совладелец нашего дела и о медицине худо-бедно понятие имеешь. Предлагаю: начинаем с ранений, после чистки я оперирую Анзора, а ты мне ассистируешь. Кстати, как антибиотик колоть? В раны или в мышцы?

– Лучше в вену, – задумчиво ответил я, но потом головой качнул. – Но не в нашем случае.

– Почему? – заинтересовался профессор. – Инфузионная терапия в данном случае не подойдет?

Про капельницы я ему уже рассказывал, Семен Иванович что-то о подобных системах слышал, кто-то уже пытался за границей вводить различные растворы в организм больных, в том числе и переливание крови делали. Профессор эту систему критиковал, но, когда я объяснил, что да как, он проникся и задумал подобное устройство сконструировать. Однако, насколько знаю, руки у него так и не дошли, времени не хватило.

– Думаю, подошла бы, но лекарство вводится медленно, шприцом так не сделать, да и рассчитываю, что антибиотик решит проблему, если не произошло заражения крови, – ответил я профессору.

– Тогда приступаем! – потер ладони Семен Иванович. – Пошли, руки вымоем и с богом приступим.

Мля, стрелять во врага намного легче, нежели резать раненого вора, хотя тот и под наркотой, в беспамятстве. Мне ассистирует Фира и следит за каждым движением Жало. Сделав надрез на гнойной ране, стал выгонять «плохую» кровь. Запах бьет до самого мозга, понимаю, почему врачи используют маски при операциях: не только из-за того, чтобы не занести инфекцию в рану. А вот о подобной детали я не озаботился, хотя прекрасно знал. Еще одна зарубка на памяти, чтобы наделать из марли масок. Промакиваю спиртовым тампоном вскрытую рану и, даже никогда не сталкиваясь с подобным, понимаю, что дело плохо, заражение уже пошло.

– Фира, шприц с лекарством, – неожиданно, для самого себя отдаю распоряжение.

Сестра милосердия, немного замешкавшись, протягивает требуемое. Впрыскиваю прямо в открытую рану антибиотик, а потом решаю задачу: зашивать или так оставить? Сам-то рану не залатаю, но Фира должна справиться.

– Семен Иванович! – заорал на все помещение. – Рану шить или бинтовать?

– Иван, она в каком состоянии? Много плохой крови вышло? – уточнил профессор.

– Много, – коротко ответил и шприц отдал Фире. – Профессор, я еще решил обколоть рану антибиотиком после обработки.

– Хм, минуту и подойду! Тоже портейницелитом обработаю, – ответил Семен Иванович.

Через минуту он подошел и, осмотрев рану Анзора, сокрушенно головой покачал и поморщился.

– Зашивать не нужно, возможно, придется не раз промывать, – сказал, а потом чуть слышно добавил: – Если выживет.

Ну, согласен, гноя много, да еще неизвестно, какой сюрприз подготовил аппендикс. Если лопнул и начался… Как там его? Вроде, если не изменяет память, перитонит…

– Девочка-то как? – поинтересовался я у Семена Ивановича состоянием Лизы.

– Младшая или старшая? – уточнил тот, усмехнувшись, а потом добавил: – Старшая у стеночки отдыхает, в обморок брякнулась. Младшая спит, рана получше этой, но ненамного. Все, я пошел, надо доделать, а потом сюда вернусь, рану закрывай и готовь пациента к полостной операции.

Профессор скрылся за ширмой, а Жало настропалился и спросил:

– Вы пахана еще резать будете?

– Ты что, не слышал, что у него аппендицит? – накладывая на рану марлю и обильно смачивая ту йодом, поинтересовался я у подручного вора.

– Слышать-то слышал, но что это за хрень?

– Ну, если своими словами, то… – На миг задумался я, а потом продолжил, пытаясь понятными словами объяснить: – У каждого человека есть в животе червеобразный отросток, как бы придаток слепой кишки. Воспаление этого отростка называется аппендицитом. Иногда он воспаляется и загнаивается, может лопнуть, и гной в организм пойдет.

– Если не резать, то?.. – уточнил тот.

– То смысла выгонять плохую кровь не было, – указал на обработанное плечо. – Загнулся бы, и неизвестно, от чего раньше. Получил бы заражение крови от раны в плече и гноя в животе.

– Не переживай ты за своего товарища, – влезла в разговор Фира. – Семен Иванович и Иван Макарович сделают все в лучшем виде! Видел же, как ловко доктор раны обработал?!

Жало ничего сестре милосердия не ответил, опять в сторонку отошел. А я уже живот Анзора спиртом поливал, чтобы так продезинфицировать. Пациент имел густой волосяной покров, такого бы побрить сперва, да времени нет. Впрочем, пусть профессор решает! Сам-то я уже последние силы истратил, спину от напряжения ломило, а одежда от пота промокла чуть ли не насквозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nazimov_konstantin/ohranitel-shag-k-celi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити